

...И ВНОВЬ ПРЕВРАЩАТЬСЯ В УЧЕНИКА

КОГДА ЧИТАЮ новую для себя книгу, не знаю, что радуется больше — встреча с неожиданной мыслью или с той, которая созвучна с твоими собственными. Во всяком случае, в «Моих дебютах» (Москва, «Искусство», 1985 г.) — книге прославленного нашего кинорежиссера, Героя Социалистического Труда, народного артиста СССР, лауреата Государственных премий СССР Александра Зархи с удовлетворением нашла подтверждение собственным наблюдениям: только в том случае человека ждет большая удача, если он предан своему делу до фанатизма. Это касается любой работы — у Зархи труда актера и режиссера.

Николай Черкасов, сыграв в театре вечерний спектакль, в шесть утра уже был в гримерной «Ленфильма»: грим профессора Полежаева к фильму «Депутат Балтики» продолжался четыре с половиной часа. И всегда, без единого опоздания, входил в павильон «в состоянии внутреннего артистического подъема, которым заражал окружающих».

Герой Василия Меркурьева в фильме «Люди на мосту» шагал по Енисею впереди тракторов, проверял крепость льда. Съемка шла, когда зима была на исходе, лед трещал и валенки актера касались воды. Съемочная группа тревожилась, а тут еще оборвался трос, трактор застрял, пришлось переснимать дубли. Пожилой актер выливал из валенок студеную воду и сно-

ва азартно неся впереди людей и тракторов в распахнутой шубе. А потом прямо со съемки на самолет — в Ленинграде ждал спектакль.

С Борисом Чирковым судьба свела Александра Зархи еще в немом кино, когда молодой сценарист был одновременно и костюмером, и реквизитором. Чирков, игравший в фильме «Луна слева» эпизодическую роль, замучил его требованиями, чтобы портфель был именно парусиновым и чтоб ручка была непременно такая, а не этакая: каждый предмет подбирал как штрих к характеристике своего персонажа.

Александр Зархи в основном пишет о людях, окружающих его, повлиявших в той или иной мере на его путь в искусстве, но и он сам — через отдельные эпизоды, воспоминания, предстает перед читателем как человек, бесконечно преданный раз и навсегда избранной профессии кинорежиссера. Начиная с мальчишеских лет, когда радовался любой перепадавшей на студии работе, изучал ее до мельчайших подробностей.

«Никакая работа в съемочной группе не казалась нам зазорной, унижающей наши мечты. Предвижу: покажется назидательной эта фраза, усмехнется читатель. «Наивный чудак!» — подумает... Как печально и обременительно могут прозвучать слова Станиславского: «Талантлив, но к делу не пригоден». И я насколько не умиляюсь, но и не жалею, что именно так шел к режиссуре», — эти слова автора сугубо, казалось бы, профессиональной книги заставляют размышлять шире. Только освоение всех этапов дела дает право становиться затем во главе его — к сожалению, это единственно мудрое правило чрезвычайно редко приходит в голову тем начальникам, которые во всех отраслях хозяйства, науки, культуры сдерживают прогресс своей некомпетентностью и боязью окружать себя людьми, более, нежели они сами, знающими, а потому и тянут вслед за собой «наверх» тупиц и неучей — именно так вьет себе удобные гнезда серость, «не пущая» вперед живое и талантливое.

Еще одна тема просматривается в книге «Мои дебюты». Кроме преданности делу,

кроме знания всех его тонкостей, для успеха в нем необходимо умение сомневаться. Человек самоуверенный и нахрапистый, «пробивной» может добиться при определенных способностях удачи, но только временной. Лишь истинное творчество — в любой работе — достигает крепкого результата, ибо оно каждый раз мучается, пробует, проверяет, рискует, снова и снова учится и сдает экзамен. «Самое прекрасное в искусстве — это то, что в нем на каждом новом этапе чувствуешь себя учеником», — писал Мейерхольд. «И только бы почаще из «подающего надежды», из «многообещающего», из «маститого», — словно продолжает его Зархи, — вновь и вновь превращаться в ученика...».

ТУТ Я НА МИНУТКУ отложу книгу, подаренную автором уфимской библиотеке памяти В. И. Ленина, чтобы рассказать о самом Александре Григорьевиче, вернее, о том впечатлении, которое осталось после короткой встречи с ним в Москве.

Дверь открыл невысокий легкий человек с седой гривой волос и живыми яркими глазами. Пригласив в кабинет и показав приглашающим жестом на кресло, сам неуловимым прыжком оказался на краю просторного письменного стола и сразу стал расспрашивать про жизнь в Уфе, про экологическую демонстрацию, которая попала на страницы центральной печати. В том, как слушал, ни тени той выработанной вежливости, которая частенько присутствует при первом разговоре доселе незнакомых людей. Заинтересованно, с огоньком в глазах, с быстрыми попутными вопросами. Когда я опомнилась, что больше говорю сама, чем спрашиваю своего знаменитого собеседника, услышала ответы немногословные: «Фильм еще не сложился, говорить о нем рано, но в общем это о советском студенте, полюбившем англичанку, их встрече помешала трагедия Чернобыля...».

Пока Александр Григорьевич писал на первой странице, рядом со своей очень похожей на оригинал фотографией: «Уфимской библиотеке памяти В. И. Ленина на память с пожеланием успехов» и ставил

свою подпись большими, раз в десять превышающими остальные, буквами «Ал. Зархи. Март 21. 88 г.», я огляделась вокруг, тем более что кабинет был с двумя дверями, и обе они были настежь открыты, давая возможность разом обозреть все комнаты с сине-красной, кубами расписанной дальней стеной, в таком же стиле картинами и странно вытянутыми статуэтками. Квартира не была ни нарядной, ни роскошной, — она была необычной, будто созданной не столько для общения и уюта, сколько для раздумий и поисков. Может, я фантазировала за какие-то 15–20 минут пребывания в ней, но мне показалось, что живя в такой квартире, просто невозможно обрести жирком покоя, — ее высокие потолки, в книгах и картинах стены словно призывают к творчеству. Впрочем, квартиры оформляют по своему вкусу сами хозяева...

ПОЗЖЕ, уже в Уфе, мысленно перебираю фильмы Зархи, поставленные вместе с Иосифом Хейфицем, — «Депутат Балтики», «Член правительства», «Его зовут Сухз-Батор», и им самим — «Высота», «Города и годы», «Анна Каренина», «Двадцать шесть дней из жизни Достоевского», и думаю, что почти каждый из них — классика нашего кинематографа. А вель передо мной был такой обыкновенный и, главное, такой современный человек, молодой и энергичный.

Попался случайно журнал «Искусство кино», второй номер за этот год. Листаю — фото Зархи. Естественно, начинаю читать и ахаю от удивления: «К 80-летию...» Вот бы никогда не подумала! Опять переосмысливаю «Мои дебюты» — что-то там было по похожему поводу. Вот! Четырнадцатилетним школьником на самостоятельной сцене будущий кинорежиссер и автор этой книги сыграл чеховского Светловидова-Калхаса:

«...Публика ушла, спит и забыла про своего шута! Нет, никому я не нужен...»

Не нужно плакать... Где искусство, где талант, там нет ни стапости, ни одиночества, ни бездней, и сама смерть вполовину».